

18+

Н А Р О Д Н Ы Й Ж У Р Н А Л

ISSN 0131-6044
9 770131 604002

РОМАН №20 ГАЗЕТА

Андрей Тимофеев / Пробуждение

95
1927-2022

ТИМОФЕЕВ Андрей Николаевич

Родился в 1985 году в городе Салават Башкирской АССР. Окончил Московский физико-технический институт и Литературный институт им. Горького (семинар М. П. Лобанова). Преподаватель литературного творчества в Московском государственном институте культуры. Член правления Союза писателей России, председатель Совета молодых литераторов Союза писателей России. Лауреат премии им. Гончарова в номинации «Ученики Гончарова» (2013), премии «В поисках правды и справедливости» политической партии «Справедливая Россия» (2015) за повесть «Медь звенящая», премии им. А. Г. Кузьмина журнала «Наш современник». (2016)

В ОВСТУГЕ, АВТОРЫ «РОМАН-ГАЗЕТЫ» ОБРЕЛИ КРЫЛЬЯ

6 августа в Государственном мемориальном музее-заповеднике Ф. И. Тютчева «Овстуг» (Брянская область) состоялась десятая церемония награждения победителей Международного литературного конкурса «Мыслящий тростник».

Конкурс проводится музеем-заповедником (директор Оксана Шейкина) совместно с литературным фондом «Дорога жизни» (президент Дмитрий Мизгулин). Насыщенная программа предусматри-

вала проведение значительных мероприятий, первым из которых стала презентация новой книги известного поэта Андрея Шацкова «Сказы Куликова поля», изданной в Санкт-Петербурге. Поэт рассказал о давней работе над темой противостояния Руси с татаро-монгольским игмом, обозначил переклички разных времен, ведь Захарий Тютчев, предок Федора Ивановича Тютчева, тоже принял участие в событиях тех давних лет. Для Андрея Шацкова, как прежде для

Федора Тютчева, тема славянского мира неисчерпаема, в противовес пагубной привычке современных россиян забывать свои корни, историю и культуру. Впрочем, крупный поэт рожден для того, чтобы служить примером, напоминанием о ценности традиций.

Об этом также говорил приехавший на праздник гость — заведующий музейным комплексом «Куликово поле», доктор исторических наук Олег Вронский. Между его музеем, «Овстугом» и фондом «Доро-

Окончание см. на 3 стр. обложки.

Н А Р О Д Н Ы Й Ж У Р Н А Л

РОМАН-ГАЗЕТА

УЧРЕДИТЕЛЬ ООО «РОМАН-ГАЗЕТА»

ЖУРНАЛ ЗАРЕГИСТРИРОВАН В КОМИТЕТЕ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ ПО ПЕЧАТИ. СВИДЕТЕЛЬСТВО О РЕГИСТРАЦИИ №013639 от 31 МАЯ 1995 г.

Учредитель и издатель
ООО «Роман-газета»

Главный редактор

Юрий Козлов

Редакционная

коллегия:

Дмитрий Белюкин

Алексей Варламов

Анатолий Заболоцкий

Владимир Личутин

Юрий Поляков

Ответственный

редактор

Елена Русакова

Права

на использование

товарного знака

«Роман-газета»

принадлежат

ООО «Роман-газета»

© ООО «Роман-газета», 2022

Все права защищены

Журнал зарегистрирован

в Министерстве связи

и массовых коммуникаций РФ.

Свидетельство о регистрации

П/И № ФС77-68350

от 30.12.2016 г.

Подписаться

на журнал «Роман-газета»

можно в отделениях связи

и через Интернет:

roman-gazeta-1927@yandex.ru

Подписные

индексы издания:

в объединенном

каталоге

«Пресса России»

38915 на полугодие;

в электронном каталоге

«Почта России»

П1526 на полугодие

Точка зрения автора может

не совпадать с позицией

редакции

2022 №20 /1913/ Основана в 1927 г.

Андрей Тимофеев

Пробуждение

Роман

Часть первая

1

Эта история началась для меня 15 марта 2014 года, накануне референдума о статусе Крыма. В ту холодную промозглую субботу на улицах Москвы, казалось, было столько же людей, сколько и в обычный выходной день, и никто никуда не спешил, и не происходило ничего особенного. Но где-то у метро, на автобусных остановках, в уютных кафешках собирались тысячи людей — собирались, чтобы разделить потом на две части, на два больших митинга. Один должен был состояться на проспекте Сахарова — мои знакомые называли его белоленточным и говорили, что всем пришедшим на него раздадут по тысяче рублей. О втором, начинавшемся рядом с метро Трубная, я знал совсем мало, но в нём собирался участвовать мой друг и сосед по съёмной квартире Андрей Вдовин, человек мрачный и суровый, а потому и митинг этот представлялся мне именно таким.

Всю прошлую неделю Андрей возвращался домой за полночь: после работы ходил на специальные занятия, где их учили маршировать и инструктировали, как себя вести. В политическое движение, организующее митинг, он вступил недавно; первого серьёзного мероприятия ждал с нетерпением и не пропускал ни один день подготовки. Его девушка Катя, с которой они жили в соседней со мной комнате, была недовольна тем, что он каждый раз приходит домой так поздно, — сквозь тонкие стены московской хрущёвки доносились их крики и взаимные упрёки. Впрочем, на митинг меня звали оба: Андрей, чтобы приобщить к движению, а Катя, боясь остаться там наедине с чем-то непредсказуемым и опасным, всё сильнее затягивающим любимого к себе. Вчера мы договорились, что Андрей поедет на Трубную раньше — им нужно было провести генеральную репетицию, а мы с Катей подойдём к двенадцати часам, к самому началу.

Но, честно говоря, я в то утро не хотел никуда ехать и беспечно радовался свободному выходному дню. Я слышал, как за стеной проснулась Катя, как ходила она на кухню, как хлопнула там дверца холодильника. Я знал Катю давно и догадывался, что она сейчас злится, что Андрея нет дома: ей хотелось, чтобы, несмотря на все дурацкие договорённости, Андрей пропустил митинг, сделав ей сюрприз, на который она тайне надеялась. И от этой несбывшейся наивной надежды ей было сейчас обидно. Понимая эти её мысли и чувства, я смотрел на часы и тревожно прислушивался к шагам за стеной, ожидая, что Катя всё-таки передумает идти, и я смогу с чистым сердцем тоже остаться дома.

Она вбежала ко мне в последний момент, растрёпанная, с пунцовыми от волнения щеками, ещё в домашней одежде, но уже принявшая окончательное решение, теперь владевшее ею целиком.

— Ты встал? Пойдём, пойдём скорее!

Когда она была так воодушевлена, с ней невозможно было спорить.

Через полчаса мы уже выходили из метро Трубаная. В лицо ударил сильный ветер, и сначала не разобрать было, куда идти. Вдалеке, за аллеей, мы видели колонну людей в чёрных штанах и красных куртках, но вокруг всё было перегорожено. Катя попыталась пройти к колонне напрямик через прогал в железных ограждениях, который перегораживало трое полицейских, но один из них махнул рукой вдоль улицы, — обходить там, поняли мы. Было странно, что нужно двигаться не к хвосту колонны, а вперёд, как бы в обгон её, но мы не успевали думать и просто побежали. Люди, попадавшие на пути, шли вразнобой, не собираясь ни на какой митинг. У киоска с жареными сосисками стояло в очереди несколько человек. Женщина с двумя огромными пакетами грузно шагала навстречу. И только один сухенький старичок у фонарного столба с маленьким флажком в руках монотонно повторял вслух, но как бы ни к кому не обращаясь: «Молодцы, ребята, за русский Крым... за русский Крым...»

Я видел, как торопится Катя, как она волнуется, оттого что остаётся уже мало времени до начала шествия. Но всякий раз, когда нам казалось, что вот именно здесь можно протиснуться и шагнуть на брусчатку, чтобы подождать оставшиеся позади шеренги, а потом влиться в них, на пути возникали те же люди в полицейской форме и так же махали рукой куда-то вдаль.

Наконец остановились на перекрёстке, до первых рядов было уже метров двести. Из-за железных ограждений, тянувшихся по всему предстоящему ей пути, колонна казалась огромной ящерицей, закованной в тонкую броню. Красно-чёрные люди в ней теснились плечом к плечу, где-то там стоял и Андрей. Я знал, что это шествие очень важно для него и он сильно переживает, чтобы сегодня всё прошло безошибочно, ведь в этот самый момент враг (он так часто произносил это слово — враг) обязательно наблюдает за их митингом с тревогой и ненавистью и нельзя дать ему ни единого повода для радости. Наконец, мужчина в военной форме, маячивший во главе колонны, неразборчиво крикнул — и тогда люди двинулись, будто чья-то могучая ладонь толкнула их вперёд...

Сначала маршировали лихо, приближаясь к перекрёстку, а мостовая весело хлюпала под их ногами. Флаги в руках людей из первых рядов натягивались так, что на них уже можно было различить буквы, золотые на красном, но ещё нельзя было прочитать название политического движения. Наверное, всем

митингующим хотелось идти быстрее, чтобы название это блеснуло в сером промозглом воздухе, чтобы его увидели все вокруг.

Приблизились, и стало заметно, что двигаются неуклюже, тягуче, то и дело разрывая строй. На перекрёстке колонна принялась перестраиваться, чтобы свернуть в узкий переулок на противоположной от нас стороне улицы. С места, где стояли мы, хорошо было видно, как тяжело даётся им это перестроение. Но вот закончили и неожиданно быстро вошли в переулок, где дома навалились на них с обеих сторон. Мы надеялись, что сейчас пройдут красные шеренги, и люди в полицейской форме откроют проход, чтобы мы и ещё несколько человек, стоявших на перекрёстке, смогли присоединиться к общему течению. Но тянулись лица, плакаты, транспаранты, а ограждения всё не убрали. На одном из балконов второго этажа висело большое шерстяное одеяло и раскачивалось на ветру, медленно и тревожно.

Время от времени Катя растерянно оглядывалась на меня, и я только сердился от собственного бессилия. И вот в этот момент неожиданная спасительная мысль пришла ко мне — я схватил Катю за рукав куртки и поспешно потащил вперёд, но совсем не туда, куда устремилась колонна. Я плохо разбирался в московских улицах, просто интуитивно догадывался, куда нужно идти, а Катя послушно шагала за мной. Иногда в маленьких переулках, пересекающих наш путь, мы как в длинную подзорную трубу могли видеть двигающихся по параллельной улице людей с флагами.

Наконец мы оказались на краю огромной площади, окружённой домами, в которую в тот момент, как река, прорвавшая плотину, устремлялся поток митингующих. Первые ряды уже выплёскивались к подножью высокой деревянной сцены на дальнем краю площади, следующие подтягивались к ним. Нас тоже подхватило и понесло, а потом прибило людской волной к стене одного из высотных домов. Мы ещё толком не могли разобрать, куда нам нужно смотреть и что делать, как вдруг в стылом воздухе раздался хриплый голос: это был маленький человек в меховой шапке, стоявший на сцене у микрофона. Я взглянул на Катю и увидел её застывшее искажённое лицо — как же она ненавидела этот голос! Именно им говорили эти политические ролики, которые Андрей смотрел каждый вечер после работы, вместо того, чтобы посидеть с ней.

— Бандеровцы провозглашают на Украине новый фашизм! — выкрикивал человек в меховой шапке. — Насаждают его насильственно, репрессивно... Их куцый мозг мутит кровавое вино киевской преступной победы... победы над своим народом, победы над демократией... победы над исторической судьбой... Они рвутся в наш святой город, они рвутся и просачиваются в Москву. И потому здесь мы хотим сказать им... — Он сделал паузу, так что пространство

вокруг натянулось и стало слышно, как кто-то коротко кашлянул, где-то лязгнуло железное ограждение, ветер вздохнул во флагах. А потом сосредоточением всех этих яростных слов по площади пронеслось над-рывное: — В Москве майдану не бывать...

«В Москве майдану не бывать», — повторили за человеком в меховой шапке сотни людей. Сначала — неуверенно, стесняясь своих голосов, слишком разных и нестройных. Но уже в следующее мгновение перестали сдерживаться, почувствовав знакомый напор в хриплых словах, как волки чувят запах своей стаи, и тогда вся площадь закипела: «В Москве майдану не бывать... В Москве майдану не бывать...»

А потом всё смешалось — и нестройные голоса из толпы, и российские флаги, и чьи-то лица вокруг. Рядом с нами стоял мужчина в лёгкой куртке нараспашку, а на шее у него сидела маленькая девочка и без устали вертела зелёными резиновыми сапожками. Трое других мужчин рядом показывали пальцами на сцену и смеялись, наклоняясь друг к другу. Женщина в белом платке держала самодельный транспарант из картона: «Здравствуй, Севастополь!» Мы попытались протиснуться мимо этих людей вперёд, туда, где стояли первые шеренги, но человеческое море поддавалось медленно — необходимо было поймать попутное течение, чтобы легко преодолеть несколько метров, а потом опять завязнуть. Но всё-таки желанные красно-чёрные ряды постепенно приближались к нам, и всё яснее слышались их резкие дружные выкрики, перекатывающиеся по площади, как эхо в огромном пустом зале.

Очередным спазмом толпы нас вытолкнуло прямо на железные ограждения где-то между четвёртой и пятой шеренгами, но ещё ближе к сцене пробраться было уже невозможно. Я видел, как Катя в смятении оглядывается, безуспешно пытаясь разглядеть Андрея. И вдруг мы одновременно увидели его. Он стоял рядом с высоким широкоплечим человеком, державшим флаг, всего лишь в нескольких метрах от нас, напряжённо глядя на того, кто выступал на сцене. Катя изо всех сил замахала ему ладошкой, но Андрей не заметил. И я понял, как обидно ей стало, оттого что вот она столько преодолела, чтобы добраться сюда, а ему всё равно, и он совершенно не волнуется о ней. Тогда, проникнувшись общим ожесточением, Катя резко повернулась к человеку на сцене и встала прямо, не сводя с него горячий гневный взгляд. От вспыхнувшей внутри ярости ей стало, наверно, даже легче: теперь она больше не чувствовала себя чужой здесь: она знала, кто этот человек, к чему он призывает, знала, как ей относиться к нему и ко всем, что происходит вокруг.

— Мы любим братскую Украину... Мы любим её всем сердцем, это наши братья, и мы обращаемся к ним: слушайте, — с особым наслаждением выговаривал каждый слог хриплый голос, — не верьте тем,

кто говорит, что здесь царит ненависть к вам... мы любим вас как братья...

«Мы любим вас как братья, мы любим вас как братья», — как заклинание, повторяли стройные ряды.

— Выстроились, — вдруг произнёс гортанный голос откуда-то сзади.

— До первого коктейля Молотова, — усмехнулся другой.

Это говорили два молоденьких парня, один из которых держал в поднятой руке фотоаппарат и снимал митингующих. Катя порывисто обернулась — кинуться на них, расцарапать эти румяные молоденькие лица. И уже не понять было, против она человека в меховой шапке, или против этих парней, скорее, против всех на этой враждебной площади...

Было пасмурно, затянул мелкий противный дождь. Капельки падали на железный прут ограждения, разбиваясь, а Катя зачем-то всякий раз дотрагивалась пальцами до того места, куда попадала капля. Я подумал, что зря не надел шерстяные носки. А потом увидел, что и Катя замёрзла, и осторожно предложил: «Пойдём, посидим немного в кафешке, погреешься». Она кивнула, но потом добавила: «Давай ещё немного побудем...» Я вздохнул от этого её упрямства и продолжал переступать с ноги на ногу, стараясь прогнать стылый воздух из ботинок.

Иногда оратор уходил со сцены на несколько минут, и включали старые советские песни, в основном военные, как на демонстрациях из далёкого прошлого. И тогда во всём митинге появлялось что-то деловитое и праздничное. После этих песен даже новые оглушительные слова про нацистскую сволочь и победу Русского мира звучали мягче, а в голосе человека в меховой шапке не было прежнего безумного ожесточения. И привычно и буднично отвечали ему из толпы. Я не мог согласиться с его резкими словами, но мне приятно было, что есть этот человек, и эти сомкнутые ряды, и было спокойнее, что среди всех этих людей, так грубо воспринимающих действительность, я могу чувствовать тонко, но в то же время быть защищённым.

Когда объявили, что митинг окончен, стройные ряды заколыхались взволнованно, словно нарушился внутренний порядок, словно они совсем не репетировали, как будут покидать площадь. И высокому крепкому военному, ходившему вдоль рядов, приходилось несколько раз выкрикивать так, что слышно было даже в толпе: «Флаги передаём направо».

— Ты иди домой, если хочешь, а я ещё подожду Андрея, — сказала мне Катя.

Я кивнул, опять почувствовав, что с ней сейчас бесполезно спорить. Двинулся сквозь толпу, всё ещё неподвижную, не желаясь расходиться. А перед тем, как спустится в подземный переход, обернулся и не смог различить Катину фигурку посреди огромной площади.

Когда я оказался в переходе, то опять увидел вокруг множество людей, и мне даже показалось, что это всё те же люди, которые были сейчас на митинге, только теперь они уже не думают ни о России, ни об Украине, а просто торопятся по своим делам. Я вошёл в метро, и они вместе со мной — миновали турникеты, встали на эскалатор. Я ехал и вслушивался в разговоры, обрывочные фразы, пытаюсь понять, что же на самом деле волнует их, чего же они все хотят, но почти ничего разобрать не мог. Впечатление от митинга ещё теплилось во мне — но чем дальше я удалялся от площади, тем отчётливее ощущал, что этих последних часов, может, и не было вовсе, а чёрно-красные ряды, транспаранты, вдохновенный оратор на сцене по странной случайности привиделись мне в воображении.

2

Мы жили вчетвером в маленькой квартирке в Ховрино, снимая её почти даром у нашего общего знакомого, уехавшего на стажировку в Европу. В одной комнате — я и ещё один парень, а в другой Андрей с Катей. Они были не самыми удобными соседями, но я хорошо относился к ним, и особенно к Кате, так что всеми силами старался привыкнуть к их частым и громким ссорам.

Квартира была старая, в ней постоянно ломались то замок от двери, то кран в ванной; тоненькие дощечки выскакивали из паркета и, попадая под ноги, весело и шумно разлетались по коридору. На звук из комнаты стремительно вбегал Маркиз, Катин кот, и в упоении кидался на первого, кого видел. Если это была сама Катя, она тотчас же брала его на руки и принималась настойчиво гладить. Мы с Андреем обычно просто стряхивали кота на пол, а Рома, четвёртый сосед, ещё и тихо ругался при этом.

Я спокойно относился к неуютной обстановке квартиры. Мне нравилось, что балкон в нашей комнате не застеклён, а на его перилах часто собираются голуби, нравилось, что подоконники находятся на уровне колен, и потому можно стоять у окна, испытывая лёгкое головокружение от взгляда вниз. Но остальные, кажется, постоянно были чем-то недовольны. По вечерам, когда возвращались с работы, ходили усталые и мрачные. А Рома с Андреем вообще не разговаривали: они конфликтовали с первых же дней жизни здесь, но ни тот, ни другой не хотели съезжать, в основном из упрямства, а ещё оттого, что обоим было удобно добираться до работы.

Рома был мне понятнее — с ним мы вместе учились в институте и относились друг к другу с той крепкой мужской привязанностью, которой уже не нужны ни какие-то особенные откровения, ни даже частые встречи. После института Рома два года жил у себя на родине в Житомире, и мы почти не общались

в то время. А вот теперь, когда он вернулся работать в Москву, легко сошлись опять. Нам обоим было комфортно и просто вместе — мы легко разрешали любые противоречия, потому что оба не привыкли ни обижаться, ни отстаивать свои интересы в отношениях с близкими друзьями.

С Андреем было сложнее. Мы познакомились меньше года назад, а жили в одной квартире всего несколько месяцев. Я знал, что остальные наши друзья, и конечно же Рома, относятся к нему настороженно и из-за этой его политической деятельности и потому что он был парнем Кати, которая с давних пор считалась душой нашей мужской компании. Но мне Андрей всегда был симпатичен. Мне нравились и его твёрдость и принципиальность, и уязвимость слишком прямого человека, и даже та резкость, которая отталкивала многих. Он был для меня загадкой, которую хотелось разгадать.

В тот вечер после митинга у нас собирались гости — Катя хотела отпраздновать Восьмое марта, потому что на прошлых выходных у неё не получилось. Квартира наполнилась движением, разговорами, смехом, а Маркиз, обезумевший от всеобщего оживления, носился по коридору из одной комнаты в другую. «Уу, куда пошёл», — грубо хватал его один из гостей, Борис, коренастый спортивный парень, наш давний друг. «Не пугайте Маркиза!» — тут же пронзительно закричала из кухни Катя, а мы с Ромой только посмеялись над тем, как кот неловко пытается вырваться из Бориных крепких рук.

На кухне сидели подружки Кати по университету и с весёлым любопытством наблюдали, как она печёт свои любимые блинчики с кленовым сиропом. Обычно Катя почти не готовила, они с Андреем питались полуфабрикатами, но сегодня атмосфера праздника вдохновляла её — она бралась за всё: за блинчики, за яблочный пирог, за итальянскую пасту. И только когда неловко принялась разделявать мёрзлый кусок говядины, всё норовивший выскользнуть из рук, Андрей, до того стоявший посреди кухни, не зная, чем себя занять, решительно отстранил её от стола.

— Так, с мясом я сам... мясо женской руки не любит, — и Катя с радостью отступила.

— Ну, как у вас дела? — настойчиво расспрашивала она подруг, а когда те смущённо пожимали плечами, начинала рассказывать сама. Ей ужасно хотелось весёлого интересного разговора, неожиданных новостей, ярких впечатлений.

— А мы вчера с Андреем ходили в церковь на службу, — вспомнила она.

— Ну, вообще-то не на службу, — спокойно возразил Андрей, — а чтобы раздать анкеты.

— Да, но мы ещё не знаем, будут ли их распространять! Нужно ещё прийти через неделю, вдруг священник не даст благословения...

Подруги не совсем понимали, что за анкеты и зачем их раздавать в церкви, и тогда Андрей принялся обстоятельно объяснять им:

— Я сейчас расскажу. Люди из нашего движения разработали специальные анкеты. Скажем так, в них содержатся все важные вопросы, например, отношение к ювенальной юстиции и к Украине. И теперь важно охватить этим опросом больше людей. Мы отнесли анкеты в церковь, но там нам сказали, что не могут раздавать, пока их не утвердит священник...

— Да, а ещё мы были на исповеди, — заторопилась Катя. — И Андрей тоже!

Андрей сжал губы и недовольно откашлялся.

— Скажем так, — поспешил он поправить Катю, — я не то чтобы исповедовался, я просто говорил со священником. По поводу отношения церкви к сегодняшней политической ситуации... — Было видно, что они уже много раз обсуждали это, но так и не пришли к согласию, и теперь каждому хотелось показать своё.

Я стоял в дверях, прислонившись к косяку, и улыбался, глядя на них. Мне была приятна эта обстановка праздничных приготовлений: шкварканье масла на сковороде, улыбки подруг, Катина наивная решимость привести Андрея в церковь. Подруги поспешили перевести разговор, а я, взяв в обе руки по большой салатнице, пошёл в свою комнату.

— Но ты же не будешь спорить, что это майдан начал первым? — услышал я ещё в коридоре бодрый голос Бориса.

— Да, первым, — ответили ему глухо и медленно. — Но сменить власть одно, это в каждой стране бывает. А сепаратизм — недопустимо...

В нашей комнате Борис и Рома раскладывали мой письменный стол. Рома сидел под ним и тщетно пытался пододвинуть его непослушную ножку, а Борис стоял рядом, поддерживая крышку. Я остановился, балансируя с двумя тяжёлыми салатницами в руках, ожидая, когда они закончат.

— Не скажи! — тем временем не сдавался Борис. — И то, и другое нарушение вашего закона, и тут кто начал первым, тот виноват.

— Я вообще-то был доволен, когда майдан победил. Надо было просто смириться, и всё бы закончилось...

— Ну, Рома, а работать ты ведь в Россию приехал, — наконец, смог я поставить салаты и выложил тот аргумент, который давно хотел привести ему, но всё не представлялось подходящего случая.

— Я приехал, потому что здесь больше перспектив, чем в Житомире, — ответил тот, вылезая из-под крышки стола.

Он недовольно взглянул на меня, и я понял почему. Дело было совсем не в событиях на Украине — об этом мы уже давно переговорили, проблема была в соседях и в этом внезапном праздновании. Навер-

ное, он был прав, и надо было садиться в комнате Кати и Андрея, но у нас было просторнее, и я вчера дал согласие Кате, не спросив его.

Тем временем из кухни послышался смех, и я поспешил туда за новыми блюдами и тарелками...

Гости рассаживались осторожно, опасаясь сразу шагнуть вглубь нашей комнаты. Сначала ещё открывали вино, накладывали салаты по тарелкам и старались шутить по любому поводу. Одна из подруг Кати, рыжеволосая Мила, с готовностью улыбалась каждой шутке, а маленькая серьёзная Соня коротко и весомо хвалила рецепты блюд. Но потом чокнулись, пригубили и принялись за еду, и тогда на самом деле стало тихо и неловко.

Проскользнул в комнату Маркиз, выгибаясь всем телом, стараясь показать себя во всей красе. Андрей взял его на руки.

— Смотрите, как потолстел, — воскликнула Соня.

— Не потолстел, а немножко поправился, — вступилась за кота Катя. И опять все слишком оживлённо заговорили о Маркизе, чтобы скрыть неловкость.

Я смотрел на знакомые лица, и мне вспоминались те давние времена, когда мы с Ромой и Борисом ещё учились в институте, а Катя была первокурсницей. Она тогда часто приходила к нам в комнату, и мы с Борисом оба были влюблены в неё. И теперь собрание за одним столом старых друзей должно было вернуть нам обаяние прошлых дней, беззаботных вечерних посиделок за чаем или вином в общежитии, и сам я подсознательно ждал этого, но чуда возвращения в прошлое не происходило.

— А мы сегодня ходили на митинг, — вспомнила вдруг Катя. — Было очень интересно!

Я удивлённо взглянул на неё, но потом понял — сегодня они первый раз праздновали вместе с Андреем в нашей компании, и Кате важно было, чтобы всё прошло благополучно, и завязался бы общий разговор, интересный и нам, и Андрею, пусть даже и о политике.

— Что за митинг? — полюбопытствовал Борис. — За всё хорошее, против всего плохого?

— За завтрашний референдум в Крыму, — недовольно вставил Андрей. Наверное, он не очень хотел рассказывать о митинге, боясь, что все воспримут важные вещи слишком беззаботно.

— А что вы думаете о событиях в Крыму? — с уважением спросила Андрея Софья, отчего-то на «вы». — Как пройдёт референдум?

— Я не социолог, — нехотя возразил он, — но, скажем так, я уверен, что результаты будут однозначные.

— Кстати, представляете, — вмешалась вдруг Мила, немного запинаясь от желания тоже сказать что-то, — по телевизору, не помню, по какому каналу, передавали прогноз погоды, а после Москвы ста-

ли объявлять в Севастополе, Донецке и Харькове... Представляете... — Она покраснела от волнения. Вообще-то мы с Борисом и Ромой хорошо её знали, она раньше часто приходила к нам с Катей, но всякий раз так сильно смущалась, как если бы видела нас впервые.

Все засмеялись, и даже Андрей воодушевился, получая в этом общем веселье поддержку себе и своим взглядам.

— Неужели? Ты не перепутала? — недоверчиво переспросил он. — Ну, это добрый знак. Пора показать этим бандеровцам нашу силу! — И вдруг сам смутился своей серьёзности и открытости перед гостями.

Рома же смотрел лукаво, как на добрых детей, которые хоть и милы в своей радости, но всё-таки не могут быть восприняты всерьёз умными людьми.

— А ты как относишься ко всем событиям? Ты ведь с Украины? Тебя не оскорбляет, что мы все так смеёмся? — предупредительно обратилась к нему Соня.

— Меня не так просто оскорбить, — ответил он ей, дескать на таких фанатиков, как Андрей, не обижаюсь.

— Если вам интересно, могу рассказать, как я ездил недавно в Васильевское, — взволновано продолжал Андрей, не обращая внимания на Рому, но напряжённо вглядываясь в остальных, стараясь понять, точно ли кому-то интересно, стоит ли продолжать.

— Что за Васильевское? — спасла положение Соня, и Андрей откашлялся, готовясь начать.

— Дело в том, что наш лидер Сергей Владленович Кургузов несколько лет назад купил деревообрабатывающий завод и обустроил его силами нашего движения. И теперь два раза в год там проходят наши школы. Политическое обучение. Но в этот раз у нас был в основном спорт и стрельбы.

— Стрельбы? — переспросил Борис усмехаясь.

— Да, — ответил Андрей, замечая иронию, но не понимая, что она относится к нему лично. — Скажем так, в наше время нужно быть готовыми ко всему. Ты же понимаешь, какая сложная сейчас ситуация...

В это время Рома, шутливо пожимая плечами, кивнул Соне, дескать, видишь, что за разговорчики, невозможно их слушать, и стал осторожно выбираться из-за стола. Мила неловко поднялась, чтобы пропустить его.

— Следующая цель бандеровцев — Россия, — тем временем, продолжал Андрей, он не глядел на Рому прямо, но я понимал, что именно из-за него он так раздражается — ему так хотелось сказать что-нибудь резкое, пока Рома ещё здесь. — В Киеве они только тренировались, теперь они готовятся прийти в Москву... Нам нужно научиться противостоять этому зверью, это уже не люди, а зомби!

Все молчали, отводя глаза, а я напряжённо смотрел на Андрея, и мне было почему-то жаль его. Он был совершенно инороден в нашей компании, такой нескладный в своём стремлении всех наставить на путь истинный.

— В общем, если вам интересно, то приходите на собрание нашей ячейки, — выдохнул Андрей, постепенно остывая. — Они проходят каждую неделю по средам. Я скажу вам точный адрес, если хотите.

— Вряд ли, конечно, но спасибо за приглашение, — усмехнулся Борис, а Катя обожгла его взглядом.

— Давайте горячее, — заторопилась она. — Там у нас итальянская паста.

— Что же вы сделали с нашей Катенькой, она уже и готовит, — засмеялся Борис.

— Всегда готовила!

За столом началось движение, перекладывали еду, спешно доедали салаты. Катя стала собирать тарелки.

— Не надо, не надо, — остановила её Соня, — давай прямо сюда.

Катя приветливо улыбнулась ей — кажется, она была благодарна подруге и за её незаметную хозяйственность, и за то, что она поддерживала Андрея.

— Я принесу, — торопливо вмешался я в общую суматоху и вышел в коридор.

На кухне было свежо и тихо, и только негромко сопел электрический чайник. На столе лежали оставленные в спешке чашки, тёрка, деревянная доска, ножи, а у плиты в кастрюле лежал так и не приготовленный, забытый в суматохе кусок оттаявшего мяса. Рома сидел за столом, глядя в открытую форточку. Услышав мои шаги, он повернулся и коротко кивнул. Я присел рядом, оглядываясь, а потом принялся осторожно вынимать коротенькие соломки сыра, оставшиеся на тёрке. Было слышно, как в нашей комнате, понижая голос, говорит Соня:

— Кажется, Рома всё-таки обиделся.

— Прямо сильно? — громко переспросила Катя, а потом расстроено вздохнула: — Это я во всём виновата... Не надо было говорить про митинг.

— А мне всё равно, пусть слышит! — донёсся голос Андрея. — Им, украинцам, промыла мозг их пропаганда, ему полезно услышать правду.

— Андрей, тише, тише... — заторопилась Катя.

Мы с Ромой встретились глазами и едва заметно улыбнулись друг другу.

— Не надо было изначально заселяться с ними — не испортились бы отношения, — сказал Рома, но была в этих словах и едва заметная беззаботность.

— Думаешь съезжать? — осторожно спросил я.

— Ни за что. Теперь уже из принципа, — ответил он, и мы оба негромко засмеялись.

Зашла Мила и остановилась на пороге.

— Прячетесь от грома? — спросила осторожно. Рома приветливо кивнул ей.

— Не прячемся, а выжидаем... Ладно, не очень себя чувствую. Пойду, пройдуся.

Миля с тревогой взглянула на него, но ничего не сказала.

Дождались у порога, пока Рома обуется, старались не шуметь, чтобы нас не услышали в комнате. А когда он ушёл, ещё с минуту неловко перетаптывались у порога. Я подумал, что всё это очень грустно, но постарался как ни в чём не бывало спросить у Милы:

— Ну что, давай принесём пасту? — и она поспешно кивнула мне.

Когда мы вернулись в комнату, там опять было напряжённо. Андрей раздавал всем по несколько листов длинной политической анкеты — у него было задание от ячейки опросить с помощью неё как можно большее количество человек, и он, видимо, решил использовать подходящий момент.

— Я не буду ничего заполнять, — капризно ворчал Борис, — сколько там вопросов? Сорок? Это вообще-то серьёзная работа, а работа должна оплачиваться.

— Не хочешь, не заполняй. Никто тебя не заставляет! — с обидой отвечала ему Катя.

— Да нет уж, давайте... интересно, что там у вас, — Борис мгновенно оттаял и принялся листать страницы анкеты, но всё никак не мог успокоиться: — Какие лукавые вопросы, а вдруг меня потом найдут и скажут, что у меня непатриотические убеждения?

— А ты правильно ответь, — в тон ему пошутила Соня.

Все опять оживились: Борис засмеялся, Андрей стал возражать ему, а Катя снова заволновалась, и только Миля грустно держала в руках только что выданные ей листы, думая о чём-то своём.

— Ну, подожди, — увлечённо продолжал доказывать Борис — кажется, он ни в чём не хотел сегодня соглашаться с Андреем и постоянно пытался поддеть, — вот ты говоришь, что не любишь все эти иностранные государства и так далее...

— Я не говорил так, — возражал ему Андрей. — Я не люблю, когда иностранные государства суют нос в наши дела, устраивают майданы и оболванивают население...

— Ну да, ну да, — поспешно соглашался тот, как бы показывая, что он это и имел в виду. — Но вот, например, Плахотный... Он сейчас живёт в Европе, и он наверняка против Путина и за украинцев, а вы пользуетесь его квартирой и почти не платите за неё, разве это правильно? Это разве не нарушает какие-то ваши принципы?

— Я не знал этого, — с вызовом ответил ему Андрей и на несколько секунд остановился, пытаясь понять, как реагировать на эти слова.

— Борис, что за глупости, — вмешалась Катя. — Всё это не важно, да ведь? — повернулась она к Андрею, ещё даже не веря, что эти шутки могут быть восприняты им серьёзно. — Мало ли что думает этот Плахотный!

Но Андрей всё ещё молчал, напряжённо глядя на Бориса.

— Ну ведь мы не будем из-за этого ничего менять, — продолжала Катя, уже действительно пугаясь и не желая даже произнести это нелепое «съезжать». А видя, что Андрей по-прежнему напрягает скулы, ужасно расстроилась и уже не могла взять себя в руки.

— Володя, ну ты-то почему молчишь? — бросилась она ко мне. — Скажи, это правда, что Плахотный против России?

— Да кто его знает, — выговорил я растерянно. — Вроде бы он всегда ругал американцев, — вдруг вспомнил я, и она сразу же обрадовалась этому удачному воспоминанию.

— Правда? Андрей, Андрей, ты слышишь!

— Ладно, хватит лясы точить, — решительно оборвал разговор Андрей, подавленно вздохнул и принялся убирать тарелки со стола.

— Борис дурак, я ему этого никогда не прощу, — тихо выговорила мне Катя, пока никто не слышал.

Я пожал плечами, пытаюсь показать, что и сам не знаю, что это на него нашло.

— Да, атмосфера тут тяжелая... Пойду покурю, пока меня не репрессировали, — тем временем засмеялся Борис и подмигнул мне: — Пойдём, тоже.

Андрей продолжал настойчиво убираться, а Катя принялась помогать ему. Соня с нарочитой сердитостью оглядела всех, будто желая сказать — ну что вы, как дети малые, помирились бы лучше. Я всё ещё держал неуместную теперь кастрюлю с пастой в руках, не зная, куда её девать, и, наконец, поставил на краешек стола.

Мы с Борисом вышли в подъезд, поднялись по лестнице на один пролёт и остановились у закопчённого окошка. Если бы это происходило года три-четыре назад, я мог бы подумать, что он злится на то, что у Кати появился парень, ведь когда-то давно она отвергла его ухаживания, но сейчас это казалось совершенно нелепым. Также я понимал, что Борис в общем-то согласен с убеждениями Андрея, ведь спорил же он всего час назад с Ромой по этому поводу, а значит дело было именно в самом Андрее.

— Будешь? — спросил Борис с улыбкой, открывая пачку, хотя знал, что я не курю.

Но я зачем-то всё-таки взял сигарету и стал машинально вертеть её в руках, так что постепенно распотрошил, а потом просто тёр между пальцами ошмётки табака, напоминаящие деревенское сено.

— Слушай, что же такое происходит с нашей Катенькой? — заговорил он тем же шутливым тоном. — И где она вообще нашла этого, из ячейки...

Я поморщился от резкости его слов и только пожал плечами, стряхивая с пальцев табак.

— На самом деле, я давно уже заметил изменения в её характере, и не в лучшую сторону, — продолжал он поспешно. — В последний раз, когда мы с ней общались, ее какие-то непонятные мысли о будущем мира доносили, и, помню, я очень удивился тогда... Понятно, что это Андрей на неё так влияет, но не знал, что настолько. Ты пойми, мне тоже не безразлично будущее мира, — он остановился, чтобы сделать несколько коротких затяжек, и я вдруг подумал, что так отрывисто дышат собаки, — и я тоже не в восторге от этой ерунды, которая происходит у нас сейчас. Но у меня по этому поводу свои мысли, а у нее это явно навязано. Ты знаешь, что она собирается ехать в какую-то «осеннюю школу», видимо, как раз на тот их завод, где стрельбы. А ведь там ей могут окончательно обработать мозг. Может, пора нам спасти нашу Катеньку?

Он говорил это ехидно, так что мне стало обидно за Катю. Я сказал, что ещё не был в их организации, и потому не могу ответить ему точно, но думаю, что это Андрей хочет ходить в ячейку, а Катя, наоборот, пытается вытащить его оттуда. Но всё равно я уверен, что это не секта.

— Хорошо, если так, — ответил Борис недоверчиво, — просто самые опасные секты как раз-таки не те, где сразу видно, а те, по которым, вроде так и не скажешь — правильные вещи говорят, это вы дураки не понимаете... Конечно, я не думаю, что Катя в секте, — торопливо оговорился он, — но и не считаю, что всё это пойдет ей на пользу.

Борис закончил курить и старательно тушил сигарету о пыльный подоконник, а я вдруг так разошелся на него: неужели он думает, что я живу рядом и не вижу всего этого, и не могу позаботиться о Кате, или может, считает, что он больше меня переживает за неё...

— Ладно, я присмотрю за ней, — сказал я то, что он хотел услышать, и это вышло пафосно, как в плохих сериалах по Первому каналу. Но Борис, кажется, остался доволен, и мы медленно вернулись в квартиру.

3

Вечером, когда гости разошлись, мы с Ромой сидели в своей комнате. После недавнего разговора с Борисом на лестничном пролёте мне вспоминались наши институтские годы в общежитии. Серые стены, прожжённые окурками, тарелки с прилипшей гречкой, книги на полу и Катя-первокурсница, зашедшая к нам, — она не обращает внимания на беспорядок, ей нравится, что она красивая молодая девушка и с её появлением у нас, старших ребят, сразу завязывается разговор, все поднимаются со своих мест. Она любит тащить нас куда-то в Москву — чтобы было веселее

и интереснее, и больше людей, и больше шуму и радости. И вот мы выходим на улицу, а она идёт чуть впереди, торопясь, запрокидывая голову, и в эти мгновения, как сама потом расскажет, чувствует, что настоящая жизнь течёт сквозь неё... А теперь в соседней комнате они ссорились с Андреем, не закрывая двери, и их голоса — Катин резкий и взвинченный и глухой и отрывистый Андрея — врвались к нам и звучали так раздражающе отчётливо, что нельзя было не вслушиваться в них.

Вдруг Рома резко встал, шагнул в коридор и громко хлопнул дверью. А когда вернулся, надел наушники и напряжённо принялся глядеть в экран. «Ну чего он злится, — подумал я, — понятно, что Андрей задел его, но Андрей же как ребёнок...» Я любил Рому таким, как сегодня на кухне, лукавым и насмешливым, а это неожиданное ожесточение было мне неприятно.

Я взял свой ноутбук и прошёл на кухню. В темноте виднелись только обступающие меня тени шкафов, а впереди — окно, в котором отражался край пустынной улицы: мостовая в крупных каменных плитах, трамвайные рельсы, описывающие круг, в центре которого — одинокий фонарь. На другой стороне улицы теснились пятиэтажки. Людей не было. Отчётливо слышались Катины вскрипы из соседней комнаты.

Не включая света, я сел за стол и открыл ноутбук. На сайте движения была выложена трансляция митинга, я запустил её, и опять потянулись передо мной стройные ряды в красных куртках, и серое мартовское небо, и площадь, заполненная людьми, и человек в меховой шапке, выкрикивающий резкие слова. Сначала я тщетно пытался увидеть на экране нас с Катей, и только однажды, кажется, разглядел её шапку с хохолком в толпе — Андрея же показывали несколько раз, он всегда стоял решительно и прямо, ему бы понравилось. Но постепенно я втянулся: там, на площади, почти не слушал выступавшего, только обрывки речи, а теперь мог понять, что он говорит — и про Крым, и про Киевский майдан, и про Россию. В его словах была одна повторяющаяся мысль, что теперь всё изменилось, что началась война, в которой можно только победить или умереть. И живое ожесточение этих слов действовало на меня сейчас гораздо сильнее, чем утром. Да и сам митинг казался другим: никто не переминался с ноги на ногу, никто не отвлекался на постороннее, а все были едины с этим человеком и его хриплым голосом. Я досмотрел трансляцию, а потом долго ещё сидел в темноте и думал, что утром на площади было столько разных людей, их голосов, их мыслей и переживаний, а теперь всего этого нет, исчезло из мира навсегда, а остался только ролик, на котором всё просто и грубо. И от этой безвозвратной утраты мне было грустно.